ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.22394/2070-8378-2018-20-5-94-100

Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии

СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА ГЛИНКИНА, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, научный руководитель направления «Международные экономические и политические исследования»
Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: 319@transecon.ru

МАДИНА ОКТАМОВНА ТУРАЕВА, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: 319@transecon.ru

АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯКОВЛЕВ, младший научный сотрудник
Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: 319@transecon.ru

Аннотация: В статье рассматриваются традиционные и новые инструменты, которые все шире применяются КНР для продвижения масштабной интеграционной инициативы «Пояса и пути». Авторы считают, что значительную роль в разработке этого проекта сыграли внутренние проблемы экономического развития Китая. Важнейшие из них на сегодня – это проявившаяся в результате замедления экономического роста проблема перепроизводства и чрезмерно высокая на протяжении десятилетий доля накопления, приведшая к перегреву экономики, появлению излишних производственных мощностей. Авторы рассматривают три возможных пути решения возникшей проблемы у китайского руководства: закрытие предприятий, переброска части проблем на государство (например, объединение в концерн убыточных предприятий), а также развитие кооперации с различными международными партнерами в поисках новых рынков сбыта. Особое внимание в работе уделяется тем инструментам, которые Китай успешно апробирует в странах постсоветской Центральной Азии для укрепления своих позиций в регионе.
Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, Казахстан, перенос производств, торговля, инвестиции, кредиты

Статья поступила в редакцию 5 июля 2018 года.

Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии. *Государственная служба.* 2018. № 5. С. 94–100.

TRADITIONAL AND NEW INSTRUMENTS FOR CHINESE PRESENCE STRENGTHENING IN CENTRAL ASIA

SVETLANA P. GLINKINA, Dr. Sci. (Economics), Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the «International Economic and Political Studies»' Direction
Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (117218, Russian Federation, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). E-mail: 319@transecon.ru

MADINA O. TURAEVA, Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow
Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (117218, Russian Federation, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). E-mail: 319@transecon.ru

ARTEM A. YAKOVLEV, Research Fellow
Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (117218, Russian Federation, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). E-mail: 319@transecon.ru

Abstract: In this article, traditional and new tools are being considered, which are increasingly used by China to promote a large-scale integration initiative, Belts and Paths. The authors believe that the internal problems of China's economic development played a significant role in the development of this project. The most important of them for today is the problem of overproduction, manifested as a result of a slowdown in economic growth, and the accumulation share that has been excessively high for decades, leading to overheating of the economy, the emergence of surplus production capacities. The authors consider three possible ways of solving the problem that arose in the Chinese leadership: the closure of enterprises, the transfer of some problems to the state (for example, the unification of unprofitable enterprises into the group), and the development of cooperation with various international partners in the search for new markets. Particular attention is paid to the tools that China successfully tests in the countries of post-Soviet Central Asia to strengthen its positions in the region.
Keywords: China, Central Asia, Kazakhstan, transfer of production, trade, investment, loans

The article was received on July 5, 2018.

Glinkina S.P., Turaeva M.O., Yakovlev A.A. Traditional and new instruments for Chinese presence strengthening in Central Asia. Gosudarstvennaya sluzhba. 2018. № 5. P. 94–100.

Там, где в западных традициях предпочли бы решительное столкновение сил и сделали бы упор на героические подвиги, для китайцев идеальной тактикой является использование окольных путей и терпеливое накопление относительных преимуществ

(Г. Киссинджер)

Введение

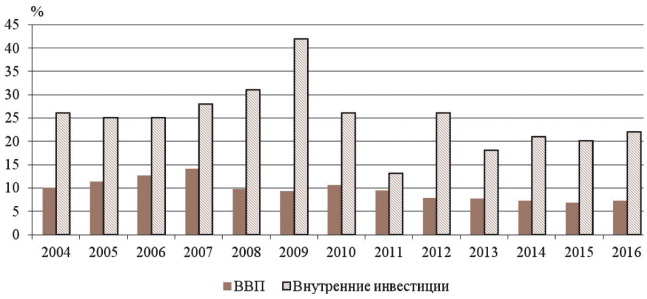
Консалтинговая компания «PricewaterhouseCoopers» рассматривает китайский мегапроект «Один пояс и один путь» как инициативу «зонтичного типа», состоящую из огромного числа текущих, планируемых и будущих инфраструктурных проектов, сопровождаемых целым рядом двусторонних и региональных торговых соглашений. Геополитика и императивы внутреннего экономического и политического развития КНР глубоко взаимосвязаны [Niquet, 2006. P. 10–11]. По существу, предложение объединенных проектов становится полноценной национальной стратегией развития Китая на современном этапе.

Масштабная интеграционная инициатива Китая

На внутренние причины развития Китая как стимул для разработки и реализации стратегии «Пояса и пути» указывают многие исследователи. Так, Кристофер К. Джонсон и Рафаэлло Пантуччи считают, что в основании этого проекта лежат проблемы хронически отстающих в развитии центральных и западных районов КНР. В ходе осуществления интеграционной инициативы эти территории «должны быть встроены в целостную, ориентированную на внешнюю среду программу развития»[1].

Для того чтобы определить характер и значение Экономического пояса Шелкового пути (сухопутную часть мегапроекта), по мнению многих синологов, прежде всего надо рассмотреть Синьцзян – автономный округ, расположенный на западе Китая и граничащий с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном в Центральной Азии. Занимая около 15% территории страны и обладая значительными энергетическими ресурсами, он относительно мало заселен (здесь проживает лишь 1,5% от общей численности населения КНР). Включение Синьцзяна в состав Китая в 1949 году создало немало проблем, в т. ч. межэтнических (между переселенными сюда ханцами и исконно проживавшими на этой территории уйгурами-мусульманами). Неслучайно, что именно этот регион сегодня считается жизненно важным с точки зрения борьбы с тремя «силами зла» – сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом, что требует налаживания стабильных отношений с сопредельными государствами, на территории которых проживают уйгуры, имеющие тесные связи с жителями Синьцзяна. Следовательно, интересы Китая в странах Центральной Азии прежде всего связаны с вопросами безопасности.

Рисунок 1. Темпы роста валового внутреннего продукта и внутренних инвестиций КНР, 2004–2016 годы, %*

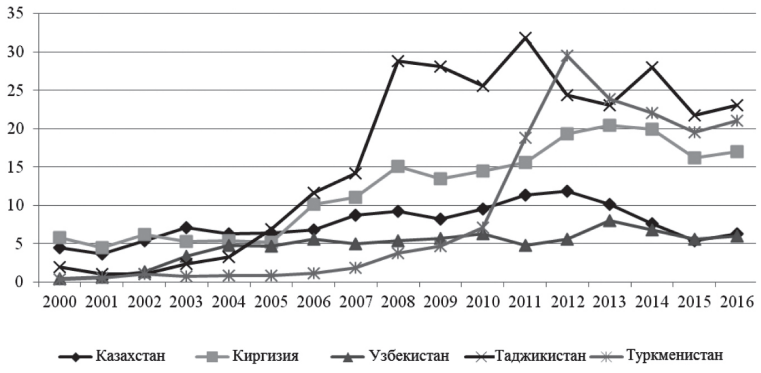
* Рассчитано по данным World Bank: http://www.worldbank.org/; China Statistical Yearbook (various years): https://www.chinayearbooks.com

До 2013 года, когда Си Цзиньпин изложил основные положения масштабной интеграционной инициативы, у Китая, по свидетельству многих экспертов, не было системного видения Синьцзяна. Однако с 2010 года руководство страны пыталось в результате опережающего экономического развития региона, а также осуществления мер по повышению его безопасности добиться здесь большей социально-политической стабильности. После создания проекта «Пояса и пути» все западные провинции стали частью общего плана. В результате инициатива для Синьцзяна и Центральной Азии превратилась в мегапроект для всего евразийского континента. Таким образом, при ее разработке были учтены вопросы обеспечения социальной стабильности и политической безопасности значительных территорий КНР.

Огромную роль в разработке проекта сыграли внутренние проблемы экономического развития Китая. Важнейшие из них на сегодня – проявление серьезных признаков перепроизводства в результате замедления темпов экономического роста (с 2012 года руководство страны говорит о «новой нормальности» как невозможности сохранения прежних очень высоких темпов экономического роста), огромные государственные интервенции в годы мирового экономического кризиса и высокие темпы внутренних инвестиций (**рисунок 1**). По свидетельству Синь Чжана из американского Института Аспена, сохраняющаяся на протяжении десятилетий чрезмерно высокой доля накопления («перенакопление») обеспечила высокие темпы экономического роста, однако на определенном этапе привела к перегреву экономики, появлению излишних производственных мощностей. Это важнейшая внутрен-

1 *Pantucci R.* Looking West: China and Central Asia. Testimony before the US-China Economic and Security Review Commission, 18 March 2015: http://chinaincentralasia.com/2015/04/16/looking-west-china-and-central-asia

Рисунок 2. Динамика товарооборота КНР с государствами Центральной Азии, % к валовому внутреннему продукту*

* Рассчитано по данным UN Comtradedata: http://comtrade.un.org/, Worldbank: http://www.worldbank.org

няя проблема развития экономики Китая, предопределившая появление инициативы «Пояса и пути»[2].

В целом ряде отраслей экономики, связанных с активным инфраструктурным строительством, появились излишние мощности. Так, в сталелитейной промышленности они сегодня превышают весь объем производства стали в Японии, США и Германии, взятых вместе. Консалтинговая компания «Rhodium Group» подсчитала, что мировое производство стали выросло с 2005 по 2014 год на 57%. Доля китайских предприятий в этом приросте составила 91%[3].

Теоретически у китайского руководства есть три возможных пути решения возникшей проблемы:

Закрытие части предприятий, что неизбежно будет сопровождаться ростом безработицы и, следовательно, растущей социальной напряженностью в обществе.

Перекладывание проблем на государство (например, через объединение в единый государственный концерн всех убыточных предприятий в отраслях, переживающих кризис перепроизводства).

Поиск новых рынков сбыта, развитие кооперации с различными международными партнерами в области использования производственных мощностей в надежде решить проблему перепроизводства за счет активизации международного сотрудничества[4].

Работая по всем направлениям, Китай все же предпочитает третье – расширение рынков сбыта, которое становится одной из важнейших задач и интеграционной стратегией «Пояса и пути» [Яковлев, 2018. С. 204–211]. Об этом говорят также многие китайские эксперты. Так, Джунхуа Чжан рассматривает Инициативу как попытку решить проблему избыточных мощностей во многих секторах китайской экономики с помощью развития новых рынков сбыта вдоль Экономического пояса Шелкового пути[5].

Традиционные и новые каналы влияния

Расширять рынки сбыта можно как традиционными (внешнеторговое и инвестиционное сотрудничество), так и новыми путями – в частности, в результате переноса в сопредельные государства полных производственных циклов (прежде всего, в отраслях, переживающих кризис перепроизводства, но не только в них). При этом китайское руководство может объединять множество важнейших для развития экономики и общества проблем. Попытаемся показать это на примере анализа путей проникновения китайских капиталов в Центральную Азию во втором десятилетии XXI века. Однако сначала рассмотрим состояние традиционного канала сотрудничества – внешней торговли.

В период с 1992 (когда были установлены дипломатические отношения между КНР и среднеазиатскими бывшими советскими республиками) по 2012 год товарооборот Китая с регионом вырос в 100 раз, достигнув почти 46 млрд долл. [Глинкина, Тураева, Яковлев, 2016. С. 15–45]. За это время во всех странах Центральной Азии выросли экспортные и импортные доли Китая, и он превратился в главного торгового партнера Казахстана и Туркменистана, второго по величине – для Узбекистана и Киргизии, третьего по объему товарооборота – для Таджикистана. Однако после подъема 2012–2013 годов товарооборот большей части стран Центральной Азии с Китаем демонстрирует спад (**рисунок 2**).

Часть этого спада можно отнести на счет валютных колебаний, на постепенное насыщение рынка Центральной Азии китайской продукцией в силу его небольшой емкости. Бесспорно, что определенную роль играет и появление у Китая новых поставщиков сырьевой продукции из Африки и Латинской Америки, где КНР удалось скупить в течение последнего десятилетия значительные производственные мощности по добыче сырья. Однако, если смотреть на относительные показатели (**таблица 1**), то статистикой фиксируется снижение активности в торговом сотрудничестве, начиная с 2012 года.

Возможно ли столь значительное падение (в два раза) экспорта сырья из Центральной Азии в Китай

2 *Zhang X.* Chinese Capitalism and the New Silk Roads. Aspen Institute, Prague, April 2016: http://www.aspeninstitute.cz/en/article/4-2016-chinese-capitalism-and-the-new-silk-roads

3 Следствие перепроизводства в Китае: https://www.youtube.com/watch?v=XutT2X0NGis.

4 *Zhang X.* Chinese Capitalism and the New Silk Roads. Aspen Institute, Prague, April 2016: http://www.aspeninstitute.cz/en/article/4-2016-chinese-capitalism-and-the-new-silk-roads

5 *Zhang J.* What's driving China's One Belt, One Road initiative? East Asia Forum, 2 September 2016: http://www.eastasiaforum.org/2016/09/02/whats-driving-chinas-one-belt-one-road-initiative

Таблица 1. Торговля стран Центральной Азии с Китаем и Россией, % к валовому экспорту / импорту товарной группы**

	2001 год	2008 год	2012 год	2017 год
Экспорт сельхозпродукции в Китай	1	1	2,9	5,8
Экспорт сельхозпродукции в Россию	50,1	20,4	8,7	11
Сырьевой экспорт в Китай	6	9,6	24,8	10,4
Сырьевой экспорт в Россию	12,4	6	5,1	7,7
Экспорт готовой продукции в Китай	1,4	5,8	23,1	27,4
Экспорт готовой продукции в Россию	40	27,8	31,7	26,4
Импорт сельхозпродукции из Китая	4,7	7,6	8	7,1
Импорт сельхозпродукции из России	24	18,9	17	19,2
Сырьевой импорт из Китая	2,2	14	13,7	12
Сырьевой импорт из России	50,9	53,5	54,8	59,2
Импорт готовой продукции из Китая	3,5	18	23,7	21,5
Импорт готовой продукции из России	28,3	23,4	24,1	31
Импорт продукции легкой промышленности из Китая	10,3	82,3	64,1	46,4
Импорт продукции легкой промышленности из России	27,9	23	22,4	24,1

** Рассчитано по: The International Trade Centre. Trade statistics for international business development. «Bilateral trade between Central Asian Republics and China, 2001–2017»; «Bilateral trade between Central Asian Republics and Russian Federation, 2001–2017» (https://www.trademap.org/); UN Comtrade Database (https://comtrade.un.org/)

Рисунок 3. Каналы проникновения китайского капитала в экономику стран Центральной Азии

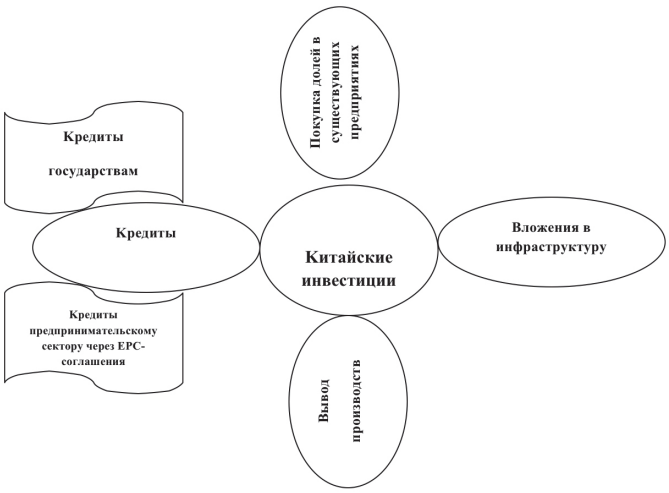

Таблица 2. Доля Китая во внешнем государственном долге стран Центральной Азии (2015 год и 3-й квартал 2017 года)***

	2015 год	3-й квартал 2017 года
Казахстан	8% (13,3 млрд долл.)	10% (14,1 млрд долл.)
Киргизия	35% (1,2 млрд долл.)	41,7% (1,7 млрд долл.)
Таджикистан	43,0% (0,9 млрд долл.)	41,4% (1,2 млрд долл.)

*** Рассчитано по данным: Национальный банк Казахстана (http://www.nationalbank.kz); Министерство финансов Кыргызской Республики (http://www.minfin.kg); Министерство финансов Республики Таджикистан: http://minfin.tj

или сокращение почти в два раза китайского экспорта продукции легкой промышленности в Центральную Азию? На наш взгляд, снижающаяся динамика торговли Китая со странами Центральной Азии может свидетельствовать о качественно новой стадии развития отношений между ними. Суть гипотезы состоит в следующем: в результате широкомасштабной инвестиционной деятельности Китаю удалось решить ряд проблем, которые позволяют ему объективно снизить объемы традиционной внешней торговли, предполагающей перемещение товаров через границы. На **рисунке 3** представлены основные пути проникновения китайского капитала в экономику стран Центральной Азии.

Как показано на рисунке 3, основных каналов проникновения капитала четыре. Первый путь – скупка активов ключевых национальных компаний Центральной Азии, которая особенно активно проходила в годы мирового финансового кризиса и мировой рецессии, когда стоимость активов резко упала в цене. По данным Heritage Foundation, только с 2005 по 2017 годы Китай приобрел доли в нефтегазовых, угольных, металлургических, транспортных, строительных, финансовых компаниях Центральной Азии на сумму 20,6 млрд долл. Основная часть этих вложений пришлась на Казахстан (18,4 млрд долл.). Уже в 2009 году Казахстан стал страной, где доля КНР в акционерном капитале национальных нефтяных компаний обеспечивала ему около 50% общего объема отраслевого производства [Глинкина, Тураева, Яковлев, 2016. С. 15–45].

Второй канал проникновения капитала – огромные вложения Китая в развитие инфраструктуры региона, не связанные с приобретением долей в собственности существующих предприятий. С 2005 по 2017 годы общая сумма китайских вложений составила 27,8 млрд долл. Общий объем инвестиций по крупным контрактам, заключенным с Казахстаном в рамках проекта «Пояса и пути» в 2005–2017 годах, составил около 12 млрд долл., с Киргизией – 3,5 млрд долл., с Таджикистаном – 1,3 млрд долл., с Туркменистаном – 6,2 млрд долл., с Узбекистаном – 4,8 млрд долл[6].

Третий путь – предоставление Китаем странам Центральной Азии, а также их компаниям, много-

6 *Schubert J.* New Eurasian Age: China's Silk Road and the EAEU in SCO space or «Noodles and Meatballs in a Breaking Bowl»: http://www.jeffschubert.com

численных кредитов (**таблица 2**). К началу 2016 года в виде займов, выданных странам Центральной Азии, было выделено кредитных ресурсов на сумму около 30 млрд долл. Большинство кредитов – связанные, низкопроцентные (1,5–3%), долгосрочные (до 20 лет), предусматривающие льготный период.

Частный бизнес может напрямую обратиться в китайские банки с запросом на получение кредита, предварительно найдя китайского контрактера, который станет подрядчиком будущего проекта. Эту практику можно рассматривать как меру поддержки Китаем своих национальных предпринимателей, которые таким образом привлекаются к участию в интеграционном проекте. Технически в ряде случаев процесс получения займов упрощается открытием китайскими финансовыми институтами кредитных линий в странах-получателях. Тогда национальные заемщики привлекают китайских контрактеров, получая кредиты в местных банках с открытой кредитной линией от КНР.

Четвертый канал проникновения китайского капитала в страны Центральной Азии относительно новый. Это перенос в регион замкнутых производственных циклов. Какие в данном случае Китай преследует цели?

При постоянном удорожании производства на территории КНР многие предприятия становятся убыточными. Возросшие производственные затраты связаны, прежде всего, с ростом стоимости в течение долгих лет очень дешевой китайской рабочей силы. За последние 15 лет, особенно после провозглашения экономической стратегии на использование внутреннего потребления в качестве важнейших источников экономического роста, при существенных различиях по отдельным отраслям и даже типам компаний, расходы на заработную плату в Китае выросли примерно в шесть раз (**таблица 3**). Если в 2003 году почасовая оплата рабочих на китайских фабриках составляла 0,62 долл., в 2008 году – 1,32 долл., то в 2013 году она достигла уже 2,2 долл. На более сложных производствах платить приходится больше. В поисках дешевой рабочей силы китайские предприятия уже не первый год активно развиваются за рубежом.

Таблица 3. Средняя заработная плата наемного рабочего в городских районах Китая, юаней*

	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год
Иностранные компании	15 692	23 625	41 739	76 302
Акционерные общества	11 105	20 272	44 118	72 644
Государственные компании	9 441	18 978	38 359	65 296
Компании из Гонконга, Макао, Тайваня	12 210	17 833	31 983	62 017
Кооперативы	7 479	13 808	30 271	60 369
Общества с ограниченной ответственностью	9 750	17 010	32 799	54 481
Совместные предприятия	10 608	17 476	33 939	50 733
Другое	9 888	11 230	25 253	46 945
Компании в коллективной собственности	6 241	11 176	24 010	46 607
Средняя заработная плата по предприятиям	9 333	18 200	36 539	62 029

* Источник: National Bureau of Statistics of China: http://www.stats.gov.cn/eNgliSH

Таким образом, перенос на постсоветское пространство производственных мощностей среднего и более высокого уровня сложности, а также предприятий из Синьцзян-Уйгурского автономного района, где цена рабочей силы одна из самых высоких в Китае, может представлять для китайских компаний большой интерес, особенно в строительной отрасли и машиностроении, где цена рабочей силы в странах Центральной Азии и России на сегодняшний день ниже, чем в Китае.

С помощью переноса наиболее грязных производств из экологически неблагополучных регионов Китая в сопредельные государства могут решаться экологические проблемы, которые существуют во многих регионах КНР. Так, из провинции Хэбэй, окружающей Пекин, знаменитый в последние годы своим смогом, по плану к 2023 году будут выведены производства мощностью в 20 млн тонн стали, 30 млн тонн цемента, ряд стекольных производств. По данным департамента провинции Хэбэй по охране окружающей среды, именно сталелитейная, стекольная промышленность и производство цемента и электричества формируют 65% выбросов двуокиси серы и 61% выбросов дыма и пыли[7].

Стремление китайского государства и отдельных предпринимателей обойти торговые пошлины, которые накладывают некоторые страны в отношении китайских товаров, надеясь преодолеть демпинг, стимулирует процесс переноса китайских производственных мощностей. После того как в Евразийском экономическом союзе были повышены торговые пошлины, Китай столкнулся с тем, что теперь покупать его продукцию Казахстану стало не так выгодно, как прежде. В новых условиях перенос производств на территорию Казахстана помогает сделать китайскую продукцию более привлекательной и для предпринимателей, которые прежде закупали ее в Синьцзяне, и для потребителей, приобретающих в таком случае более дешевую продукцию.

Вывод производств: выгоды и риски принимающей стороны (на примере Казахстана)

Разработанная властями Казахстана и Китая Программа переноса производственных мощностей из КНР включает 51 инвестиционный проект в рамках казахстанско-китайского индустриально-инвестиционного сотрудничества на общую сумму в 27 млрд долл. К середине 2017 года в рамках этой программы

7 Там же.

было реализовано три проекта на общую сумму в 46 млн долл.:

В Павлодарской области в 2015 году было открыто производство порошкового полипропилена (ТОО «Компания Нефтехим LTD», XinjiangSanbao, сумма инвестиций составила 12 млн долл.).

В Костанайской области в 2015 году был реализован первый этап проекта по производству автомобилей марки «JAC» методом крупноузловой сборки (ТОО «СарыаркаАвтоПром», JAC Motors, СМС, сумма инвестиций – 15 млн долл.). В 2015 году было произведено 700 автомобилей. В 2016 году началась реализация второго этапа проекта – производство автомобилей марки «JAC» методом мелкоузловой сборки, что должно увеличить казахстанскую национальную составляющую в этом производстве до 50%.

В Северо-Казахстанской области в 2016 году было открыто производство рапсового масла (ТОО «Тайынша Май», Xi'An Aiju Oil and Grain Co.Ltd., сумма инвестиций составила 19 млн долл.).

В руководстве Казахстана утверждают, что проекты переноса будут более масштабными и инновационными. Среди наиболее крупных и значимых из них Министерство экономического развития Республики Казахстан выделяет следующие:

Строящийся завод ТОО «Asia Steel Pipes Corp» в Алматы по производству стальных сварных труб большого диаметра мощностью 150 тыс. тонн. Он позволит обеспечить потребности не только казахстанского нефтегазового сектора, но также рынков Евразийского экономического союза, Центральной Азии, Ирана и Кавказа.

Строительство медеплавильного завода АО «KazMinerals» в Восточно-Казахстанской области мощностью до 300 000 тонн меди в год. Проект должен помочь Казахстану стать крупным медеплавильным хабом.

Ввод в строй второй очереди электролизного завода для производства первичного алюминия. Этот проект позволит перерабатывать до 85% всего добываемого в Казахстане глинозема, который в настоящее время вывозится в виде сырья. Создание интегрированного газохимического комплекса даст возможность производить до 500 тыс. тонн полипропилена в год.

В сообщении Министерства экономического развития Казахстана говорится о том, что «из 51 совместного казахстанско-китайского проекта в рамках индустриально-инвестиционного сотрудничества в 42 проектах казахстанская сторона выступает мажоритарным акционером, по 23 проектам китайская сторона выступает лишь в качестве подрядчика или поставщика оборудования, при этом покупатель будет получать услуги или оборудование по сниженным ставкам»[8]. Для финансирования проектов создан совместный фонд «Шелковый путь» с капитализацией в два млрд долл. Он администрируется Казахстаном и Китаем. Новые производства будут создаваться практически во всех регионах Казахстана, однако остается неясным, какие именно китайские компании и на каких условиях будут участвовать в совместных проектах; на какие сроки и каким образом будут поступать в страну обозначенные руководством этих стран 26 млрд долл. китайских инвестиций.

Среди международных экспертов есть как сторонники реализации Экономического пояса Шелкового пути с точки зрения решения проблемы избыточных производств в Китае, так и ее противники. Так, китайский экономист П. Цай, соглашаясь с теми, кто считает, что масштабные интеграционные инициативы недостаточны для поглощения «огромного избытка стали и других продуктов», производимых в Китае, указывает на возможности «переноса целых производственных комплексов» в менее развитые страны в целях «наращивания здесь китайских производственных баз». Такие предложения, по его мнению, основываются на опыте КНР 1980–90-х годов, когда в рамках осуществления индустриализации страны «Китай импортировал устаревшие производственные линии из Германии, Тайваня и Японии». При этом экономист отмечает возникновение вопросов, связанных с абсорбционными возможностями стран-реципиентов китайских производств. Появляются проблемы политической приемлемости для руководства стран, вопреки воле населения, в использовании морально изживших себя технологий, развертывании на территории принимающей стороны не отвечающих современным экологическим требованиям производств[9].

Дэвид Доллар из Института Брукингса, бывший директор Всемирного банка по Китаю, настроен пессимистично. Он считает, что «надежды Китая на то, что такие интеграционные инициативы, как ЭПШП, создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций могут стать серьезными решениями проблем избыточных мощностей в КНР, в значительной степени ошибочны. Вклад этих двух инициатив, вместе взятых, будет слишком мал, чтобы оказать серьезное влияние на макроэкономику страны», ведь «экономики ЦА не такие уж великие, и потенциал для инвестиций здесь ограничен»[10].

По свидетельству Ю. Чжан, в Китае «продолжается дискуссия о том, насколько рационально с

8 Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан: http://mid.gov.kz/ru/kategorii/vystupleniya-i-doklady

9 Cai P. Understanding the Belt and Road Initiative. Lowy Institute for International Policy, March 2017: https://www.lowyinstitute.org/publications/understanding-belt-and-road-initiative

10 Dollar D. China's Rise as a Regional and Global Power. Horizons, Summer 2015, № 4: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/China-rise-as-regional-and-global-power.pdf

экономической точки зрения вкладывать огромные деньги в проекты с низкой доходностью в страны с высоким уровнем рисков, особенно в случае масштабных инфраструктурных проектов. Открытым остается вопрос о том, в какой мере инвестиции вдоль ОПОП будут по своей природе политическими, т.е. обеспечивающими политическую лояльность реципиентов»[11]. П. Цай ссылается на ряд политиков, которые боятся, что политическая составляющая Экономического пояса Шелкового пути приведет Китай к тому, что он начнет инвестировать в проекты «Белых слонов» за рубежом. Есть очевидные опасения того, что «некоторые страны будут использовать ЭПШП и подписываться под китайские проекты без намерения гасить предоставляемые им кредиты». В частных беседах китайские официальные лица высказывают опасения потерять до 30% инвестиций в Центральной Азии. П. Цай цитирует директора по инвестициям одного из крупнейших в Китае государственных финансовых учреждений, который заявил ему: «Везде, где мне будут приказывать инвестировать в страны Экономического пояса Шелкового пути, я буду выделять минимальные суммы»[12].

Заключение

Очевидно, что на сегодняшний день Китай решает экологические проблемы своих провинций, а в странах Центральной Азии с помощью как традиционных, так и новых инструментов удалось смягчить целый ряд проблем внутреннего развития. Так, выкуп долей в собственности предприятий обеспечил страну необходимыми сырьевыми ресурсами. Вложения в инфраструктуру существенно ускоряют сроки доставки китайских товаров до основных рынков сбыта. Кредиты усиливают политическое влияние в регионе, связанные кредиты расширяют предпринимательские возможности для китайского бизнеса. Вынос производств позволяет уйти от возросших после вступления стран Центральной Азии в Евразийский экономический союз таможенных пошлин, выйти на более емкий рынок. Новые методы продвижения в страны, поддерживающие масштабные интеграционные инициативы, позволяют Китаю использовать собственную квалифицированную рабочую силу за рубежом, а также дешевые местные ресурсы при разворачивании новых производственных мощностей.

11 *Zhang X.* Chinses Capitalism and the New Silk Roads. Aspen Institute, Prague, April 2016: http://www.aspeninstitute.cz/en/article/4-2016-chinese-capitalism-and-the-new-silk-roads

12 *Kynge J.* How the Silk Road will be financed. *Financial Times*, May 9, 2016: https://www.ft.com/content/e83ced94-0bd8-11e6-9456-444ab5211a2f

Литература

Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 59 с.

Яковлев А.А. Евразийский экономический союз и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: возможности для сотрудничества. *Вестник Института экономики РАН*. 2018. № 1. С. 204–211.

Niquet V. China and Central Asia. *China Perspectives.* 2006. Vol. 67. P. 1–13.

References

Glinkina S.P., Turaeva M.O., Yakovlev A.A. Kitaiskaya strategiya osvoeniya postsovetskogo prostranstva i sud'ba Evraziiskogo soyuza: Doklad [The Chinese strategy for the development of the post-Soviet space and the fate of the Eurasian Union: Report]. M.: Institut ekonomiki RAN, 2016. 59 p. In Russian

Niquet V. China and Central Asia. In: China Perspectives. 2006. Vol. 67. P. 1–13. In English

Yakovlev A.A. The Eurasian Economic Union and the Chinese initiative «One belt is one way»: opportunities for cooperation. In: Vestnik Instituta ekonomiki RAN. 2018. № 1. P. 204–211. In Russian

ЧТО ЧИТАТЬ

Тавровский Ю.В. Новый шелковый путь: главный проект XXI века.

М.: Издательство «Эксмо», 2017. 364 с.

Эта книга – первая в мире попытка зафиксировать практическую реализацию инициативы «Экономического пояса Шелкового пути», выдвинутой осенью 2013 года китайским лидером Си Цзиньпином. Многолетние доверительные отношения автора с видными деятелями китайских дипломатических и научных кругов позволили совершить в течение 2016 года 5 уникальных путешествий по всему маршруту - от начального пункта Нового Шелкового пути, города-порта Ляньюньган на берегу Желтого моря, до пограничных КПП Алашанькоу и Хоргос, через которые железнодорожные и автомобильные трассы ведут в Казахстан, Россию и другие страны Евразии. Рассказывается как о достижениях в создании Нового Шелкового пути, так и возникающих проблемах. Описание современного состояния инфраструктуры, промышленности и логистики сопровождается краткими рассказами об истории тех или иных мест во времена действия Великого Шелкового пути. Юрий Вадимович Тавровский – китаевед, публицист, профессор Российского университета дружбы народов. Без малого полвека изучает Китай. Работал в китайской редакции Гостелерадио СССР, корреспондентом журнала «Новое время» в Японии. Был сотрудником Идеологического отдела ЦК КПСС, обозревателем газеты «Известия», ведущим международной программы на Российском телевидении, издавал журнал «Дипломат».